

DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-3-87-97

УДК 323.21/325.11

Содержание статьи

Информация о статье

А.К. Магомедов¹,
М.М. Гаджиев²

Введение
«Двухполюсная» модель
российского мусульманского
пространства
Центр-периферийная модель
оценки российской
мусульманской территориальной
динамики
Сила и динамика «новой»
мусульманской миграции:
статистические и
демографические
характеристики
Институциональное
строительство и инфраструктура
полярного ислама в арктических
городах
Что делает северный ислам
«северным»? (новые
адаптационные практики)
Заключение

Поступила в редакцию: 19.06.2022
Передана на рецензию: 24.06.2022
Получена рецензия: 16.07.2022
Принята в номер: 10.09.2022

Полярный ислам в контексте рождения «новой мусульманской географии» России: социальные, институциональные и идентификационные характеристики

*Российский государственный гуманитарный университет; Московский
государственный лингвистический университет; armagomedov@gmail.com ;
Дагестанский государственный университет; gadjiev.dgu@mail.ru*

В статье рассматривается один из самых малоизученных аспектов российского исламоведения: развитие мусульманства в регионах быстро меняющегося российского Севера. Вводится понятие «новая мусульманская география» России, которое характеризует появление и развитие новых исламских ареалов в Северной Евразии. Развитие полярных мусульманских сообществ свидетельствует о том, что отечественный ислам нельзя более рассматривать как социально-религиозное явление, замкнутое в своих исторических регионах – Северном Кавказе и Поволжье, он предстает побочным продуктом интенсивных миграционных процессов, происходящих в промышленных городах Арктики. Процессы социальной мобильности приводят к притоку в северные города России большого количества

¹ *Арбахан Курбанович Магомедов* – главный научный сотрудник и профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета; профессор кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор политических наук.

² *Магомедэмин Магомедрасулович Гаджиев* – профессор кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета, доктор политических наук.

мусульман из различных постсоветских государств и регионов. В статье поднимается вопрос: появляется ли в условиях российской Арктики какой-то новый «особый» ислам, который отличается от общероссийского? Мы полагаем, что говорить об этом преждевременно. Большинство характерных черт, «присущих» арктическому исламу, наблюдается и в других исламских регионах России. Тем не менее, тяжелые климатические условия российского Севера, территориальная удаленность и промышленный характер полярных городов акцентируют внимание на особых социальных условиях, к которым приспосабливаются мусульмане региона. Быстро растущие мусульманские общины в городах российской Арктики свидетельствуют о тесной связи ислама с будущим России и новых представления об исламе как о более современном и широком социальном факторе, который оказывает большое влияние на изменения рынков труда и преобразования городской социальной структуры. В статье отмечается новая исследовательская перспектива: как новые мигранты и новые социальные группы могут повлиять на коллективную и индивидуальную идентичность северных регионов.

Ключевые слова: *арктические регионы, полярный ислам, миграция.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-3-87-97

UDC 323.21/325.11

Content of the article

Information about the article

*A.K. Magomedov*³,
*M.M. Gadzhiev*⁴

Introduction.
The “bipolar” model of the Russian Muslim space.
The strength and dynamics of the “new” Muslim migration: statistical and demographic characteristics.
Institutional construction and infrastructure of polar Islam in Arctic cities.
What makes Northern Islam? (new adaptation practices).
Conclusion.

Received: 19.06.2022
Submitted for review: 24.06.2022
Review received: 16.07.2022
Accepted for publication: 10.09.2022

Polar Islam in the Context of Russia's “New Muslim Geography”: Social, Institutional and Identificational Features

*Russian State University for the Humanities, Moscow State Linguistic University; armagomedov@gmail.com
Dagestan State University; gadjiev.dgu@mail.ru*

The article examines one of the most underexplored aspects of Russian Islamic studies, i.e. the development of Islam in the regions of the rapidly changing Russian North. It introduces the concept of “new Muslim geography” of Russia to describe how new Islamic areas appear and develop in Northern Eurasia. The development of polar Muslim communities indicates that domestic Islam

³ *Arbakhan Kurbanovich Magomedov* – Cand. Sc. (Politics), chief researcher and professor at the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities. Professor at the Department of the Theory of Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University.

⁴ *Magomedemin Magomedrasulovich Gadzhiev* – Doctor Sc. (Politics), professor at the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences of Dagestan State University.

can no longer be considered as a socio-religious phenomenon, confined to its historical regions – the North Caucasus and the Volga region. It appears to be a by-product of intensive migration processes in the industrial cities of the Arctic. The processes of social mobility lead to the influx of a large number of Muslims from various post-Soviet states and regions into the northern cities of Russia. The study answers the question: is there any new “special Islam” emerging in the conditions of the Russian Arctic that differs from the all-Russian one? The authors believe that it is premature to talk about this. Most of the characteristic features inherent in Arctic Islam are also present in other Islamic regions of Russia. Nevertheless, such characteristics of the Russian North as severe climatic conditions, territorial remoteness and the industrial nature of the polar cities make it necessary to focus on some specific social characteristics to which the Muslims of the region adapt. The rapidly growing Muslim communities in the cities of the Russian Arctic show the close connection of Islam with the future of Russia and open up new ideas about Islam as a more modern and broader social factor that has a great influence on changing labor markets and the urban social structure. The work outlines a new research prospect: how new migrants and social groups can influence the collective and individual identity of the northern regions.

Keywords: *Arctic regions, polar Islam, migration.*

Введение

Актуальность исследования диктуется необходимостью комплексного анализа места и роли нового социального феномена российского Крайнего Севера – полярного ислама. Последний становится привычным элементом городского дизайна, а также социальной и демографической жизни арктических регионов⁵. «Полярный ислам» – полезный и, на наш взгляд, многообещающий концепт, помогающий понять возникновение и трансформацию мусульманских сообществ в арктических регионах. Ключевые характеристики ислама на Крайнем Севере рассматриваются с позиции «новой» миграции, а также в контексте таких параметров, как экстремально холодный климат, огромные расстояния, создание новых идентичностей, окружающая среда, городское планирование и адаптации. В статье вводится в научный оборот понятие «новая мусульманская география России», которое описывает появление и развитие новых исламских ареалов. Но прежде чем говорить об исламе в российской Арктике, необходимо рассказать о существующих подходах в объяснении российской мусульманской географии.

«Двухполюсная» модель российского мусульманского пространства

За последние десятилетия в отечественном и зарубежном исламоведении укоренилась порядком устаревшая, но вполне комфортная познавательная парадигма, которая сводит российское мусульманское пространство к двум ключевым ареалам: Северному Кавказу и Урало-Поволжью [7, с. 87–93; 12, с. 498]. Эту аналитическую модель можно назвать «двухполюсной», поскольку имплицитно предполагает разделение отечественного ислама на *кавказский* и *тюркский*. В рамках такой

⁵ Предварительное пояснение словосочетаний «арктические регионы» и «полярные города». Здесь мы имеем в виду территории и населенные пункты, расположенные севернее полярного круга (на широте 66°) или южнее, но чьи климатические условия, наличие вечной мерзлоты и территориальная удаленность определяют их как арктические. Например, такие города, как Якутск, Сыктывкар или Сургут. Данное уточнение необходимо для того, чтобы подчеркнуть географическую протяженность и взаимосвязанность «северных (полярных) территорий». По этой причине мы будем использовать названия «Арктика», «полярные регионы», «Крайний Север» как синонимы.

упрощенной дихотомии весьма популярным стал компаративный анализ исламского развития на примере двух наиболее ярких мусульманских кейсов: Дагестана и Татарстана [15, с. 605–629; 6, с. 56–65; 8, с. 220–247; 16, с. 39]. Такое навязанное разделение подхватили и зарубежные исследователи. Французский ученый Ксавье Ле Торривеллек и японский специалист по Евразии Кимитака Мацузато, изучающие российские мусульманские территории, не только отмечают особую значимость Дагестана и Татарстана как основных исламских центров России, но и соотносят их с основными мусульманскими территориями России – Северным Кавказом и Урало-Поволжьем [3, с. 4–5]. Подобный взгляд доминирует в академических изысканиях и в популярных СМИ. Так, газета «Вашингтон пост» опубликовала в 2016 г. результаты социологического исследования, посвящённого тому, как российские мусульмане относятся к участию России в сирийской гражданской войне по приглашению официального Дамаска. Для сравнительного анализа общественного мнения мусульман были отобраны именно Дагестан и Татарстан как наиболее показательные примеры российского ислама [11].

Однако кроме двухполюсной схемы российского мусульманского пространственного развития существует менее распространенная, но не менее интересная модель исламской географии: центр-периферийная.

Центр-периферийная модель оценки российской мусульманской территориальной динамики

Много лет назад российско-японский исследовательский коллектив, работавший под руководством профессора университета Хоккайдо К. Мацузато, выдвинул весьма необычное объяснение мусульманской географии России. Это было объяснение в терминах пространственно-коммуникационной политологии. Ученые расположили отечественные мусульманские регионы в пространственно-географические рамки, названные "системой координат исламского возрождения в мире" [2, с. 7]. Место и значение российских исламских территорий было закреплено в общей картине мировых исламских координат

Дагестан был обозначен как «ядро» российского ислама, в то время как другие регионы, размещенные вдоль Волго-Уральского мезорегиона, рассматривались как «полупериферия» или «периферия» российского мусульманского пространства.

Нет никаких сомнений в том, что данную модель следует признать устаревшей. В первую очередь потому, что в России появились другие влиятельные центры ислама, выходящие за пределы *центр-периферийной модели*. Вышеприведенные объяснения закрепляют локализованное восприятие отечественного ислама, ограничивая более широкий и внимательный взгляд на трансформацию мусульманского сообщества России.

Такие подходы игнорируют очевидные и давно идущие процессы: миграцию, значительные мусульманские перемещения, информационные технологии, социальные коммуникации и т. д. Данные процессы преобразили мусульманскую географию, а вместе с ней и проблемное поле отечественного исламского сообщества. Благодаря этим изменениям российский ислам давно вышел за пределы своих исторических ареалов. Достаточно указать на тот факт, что крупнейшие российские мегаполисы, в первую очередь Москва и Санкт-Петербург, стали местом проживания миллионов мусульман. «Арктический» ислам еще шире раздвинул границы российского мусульманства, доведя их до полярного круга.

Несмотря на то, что ислам превратился в видимую и важную часть социальной жизни и архитектурного дизайна отечественных полярных городов, этот процесс все

еще недостаточно исследован в социальных науках. В 2019 г. сотрудники Тюменского государственного университета опубликовали солидное трехтомное издание под названием «Ислам на краю света: история ислама в Западной Сибири». Однако несмотря на свой значительный объем и обстоятельное содержание, работа ограничивается изучением таких сюжетов, как история распространения и бытования мусульманских сообществ, история государственно-исламских отношений, межконфессиональное взаимодействие в регионах Западной Сибири [1].

Полярный ислам остался периферийным сюжетом на фоне повышенного внимания к изучению историко-культурной проблематики сибирского мусульманства. Из имеющихся работ можно выделить изданный в 2018 г. совместный сборник трудов западных и российских авторов под названием «Религия и насилие в России. Контекст, манифестации и политика» [13]. Ценность этого издания заключается в том, что оно содержит ряд разделов, посвященных мусульманским сообществам российского Крайнего Севера. Однако куда большую значимость представляют специальные работы, посвященные непосредственно «арктическому» исламу. К их числу можно отнести проведенные почти одновременно исследования российского исламоведа А. Ярлыкапова [14] и зарубежных авторов М. Ларюэль и С. Хеманн [10].

Трудно отрицать тот факт, что как двухполюсная, так и центрпериферийная модель изучения и объяснения отечественной мусульманской географии дают собственные ответы на вопросы о характере постсоветского мусульманского развития. Мы пытаемся углубить пространственное понимание российских мусульманских процессов. Путем анализа малоизученного арктического мусульманского сегмента мы объясним динамику постсоветского исламского развития в полярных регионах.

Сила и динамика «новой» мусульманской миграции: статистические и демографические характеристики

Полярный ислам исследуется нами не просто как новый конфессиональный фактор постсоветской России. Важно обозначить социальные и коммуникационные корни данного феномена. Мы рассматриваем полярный ислам как побочный продукт интенсивных миграционных потоков в промышленные города Арктики. Северные города с их быстро растущими рынками труда оказались привлекательными объектами и конечными пунктами маршрутов социальной мобильности в Евразии. Миграционные процессы приводят к притоку в северные города России большого количества мусульман из различных постсоветских государств и регионов. Процессы социальной мобильности в полярные регионы можно условно разделить на две миграции: *старую* и *новую*. *Старая* миграция в регионы тогдашнего советского Севера была связана с интенсивной добычей нефти на новых месторождениях Западной Сибири в 1960–1980-е гг., и активным переселением инженеров-нефтяников из *старых* нефтегазовых регионов СССР: Татарии, Башкирии, Азербайджана.

Новая миграция имеет совсем другую природу. Она началась в постсоветские 1990-е гг., а наиболее активная фаза этого процесса развивалась в течение последних двух десятилетий. Процесс был связан с превращением города Сургут в Ханты-Мансийском автономном округе в *нефтяную столицу России*, а ямальский Новый Уренгой – в *газовую*. В отличие от «старой» миграции *новая* проходила в виде наплыва в полярные регионы трудовых мигрантов из государств Центральной Азии, а также из республик российского Северного Кавказа в основном низкоквалифицированной рабочей силы. О масштабах миграции можно судить по

тому факту, что в ряде крупных полярных городов доля мусульман в настоящее время достигает 10–15 % от общего количества жителей [9, с. 465].

А. Ярлыкапов, подробно исследовавший исламское сообщество города Новый Уренгой, приводит следующие цифры: в этом городе сложилось одно из крупных сообществ ногайцев – этноса, исторически проживающего главным образом на территории Дагестана, Чечни и Ставропольского края. За последние 20 лет не менее 30 тыс. ногайцев (небольшой тюркоязычный этнос, чья общая численность насчитывает в России немногим более 100 тыс. человек) переселились с Северного Кавказа в регионы Сибири и Крайнего Севера. Значительная часть этих переселенцев (примерно 5–7 тыс. человек) оказалась в Новом Уренгое [14]. Если взять другие группы этнических мусульман города, то после таких крупных старожильческих общин, как татары и башкиры, проживающих на Севере с советских времен, самыми многочисленными являются вайнахи (официальное количество 1,5–2 тыс., неофициально более 5 тыс.). Из них подавляющее большинство – чеченцы, ингушей насчитывается всего 200–500 человек. Весьма солидную часть мусульманского сообщества в городе составляют дагестанцы – около 5 тыс. проживающих. Что касается приезжих из стран Центральной Азии, то их число достигает 10 тыс. переселенцев. Большинство из них – кыргызы (7,5 тыс. чел. из них 1,5 тыс. – граждане России). Впечатляет количественный рост мусульманских организаций и институтов. Так, в Тюменской области, включая Югру и Ямал, действуют 94 официальные исламские организации – больше, чем в Чечне [14].

Не менее показательной является ситуация в другом добывающем российском регионе – Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО). При общей численности населения в 1,6 млн человек мусульманская часть проживающих в округе людей составляла примерно те же 15 %, о которых говорилось выше. Если разделить исламские сообщества по этническому критерию, то наиболее крупными общинами являются татары и башкиры, за ними следуют азербайджанцы и далее по убывающей – кумыки, лезгины, узбеки и таджики [14].

Институциональное строительство и инфраструктура полярного ислама в арктических городах

В институциональном развитии мусульманской религии в регионах российского Крайнего Севера важное значение имеет строительство мечетей и контроль за развитием исламских сообществ. Новейшие и обобщенные сведения о состоянии мусульманских институтов даны в приведенной ниже таблице. В настоящее время в арктических регионах России функционирует 59 официально зарегистрированных мечетей, молитвенных домов и молитвенных комнат. Самая развитая исламская инфраструктура создана в таких субъектах РФ, как Республика Саха (Якутия), Коми, а также в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Существует только два полярных региона, где еще не зарегистрированы мечети и молельные дома: Ненецкий автономный округ и Чукотка [10].

Таблица. Мусульманские культовые учреждения в российской Арктике⁶

⁶ Содержание данной таблицы заимствовано из исследования одного из авторов данной работы: *Магомедов А.К. Появление и институционализация мусульманских сообществ в российских арктических городах: адаптационные практики и становление*

Регионы Арктики	Количество	Мечети, молельные дома, молельные комнаты
Мурманск	2	Мурманск (1 мечеть), Северодвинск (1 мечеть)
Архангельск	2	Архангельск (1 мечеть, 1 молитвенная комната)
Ненецкий АО	0	Нет
Коми	8	Воркута (мечеть), Усинск (молельная комната), Вуктыл (молельная комната), Сыктывкар (2 молельные комнаты и мечеть на стадии строительства), Ухта (молельная комната), Печора (молельная комната), Инта (молельная комната)
ХМАО	21	Сургут (мечеть), Улт-Югун (мечеть), Новая Федоровка (мечеть), Нижневартовск (мечеть), Когалым (мечеть), Лангепас (мечеть), Покачи (мечеть), Пыть-Ях (мечеть), Няган (мечеть), Мегион (мечеть), Радужный (мечеть), Нижнесортымский (мечеть), Пойковский (мечеть), Новооганск (мечеть), Белоярский (мечеть на стадии строительства), Излучинек (молельный дом), Урай, Лиантор (мечети строятся), Югорск (мечеть), Советский (мечеть), Дивное (молельная комната)
Ямало-Ненецкий АО	13	Новый Уренгой (мечеть), Салехард (мечеть), Лабытнанги (мечеть), Надым (мечеть), Ноябрьск (мечеть), Пангоды (мечеть), Муравленко (мечеть), Тарко-Сале (мечеть), Губкинский (молельный дом в муниципальном здании), Харп (молельный дом строится), Ханымей (молельная комната), Тазовский (молельная комната), Яр-Сале (молельная комната). Закрытые мечети в городах: Губкинский, Пурп, Ноябрьск, Новый Уренгой
Красноярский край	1	Норильск (мечеть)
Якутия	8	Якутск (мечеть), Мирный (мечеть), Айхал (мечеть), Нерюнгри (мечеть), Алдан (мечеть), Хандыга (мечеть), Ленский (мечеть строится), мечеть в тюрьме строгого режима Табага недалеко от Якутска
Магаданская область	2	Магадан (молельная комната), Сусуман (молельная комната)
Чукотка	0	Нет

северной исламской идентичности // Межконфессиональные отношения в регионах российской Арктики и субарктики. Сб. экспертно-аналитических докладов / под ред. Омарова М.А. – М.: Изд-во РГГУ, 2019. – С. 11.

Таким образом, зарождение исламской жизни в российских арктических городах, а также масштабы исламского институционального строительства совпали с ростом упомянутой выше *новой* мусульманской миграции в северные регионы. Многие мигранты, особенно молодые люди с Северного Кавказа и Средней Азии, продвигают идентичность, сформированную исламом.

Необходимо отметить еще одно явление, рожденное *новой* миграцией и объединяющее полярный и неполярный ислам. С развалом Советского Союза в Арктике появились более подготовленные (в религиозном смысле) новые жители Севера: в северные города пришла активная мусульманская молодежь. Многие из них оказались носителями радикальных взглядов, породив сначала внутренние конфликты в городских мусульманских сообществах, а со временем стали участниками террористических движений на Ближнем Востоке. Данные процессы закономерно привели к «секьюритизации» полярного ислама – рассмотрению мусульманских общин и мусульманских социальных и религиозных практик с позиций безопасности.

Что делает северный ислам «северным»? (новые адаптационные практики)

Появляется ли в условиях российской Арктики какой-то новый «особый» ислам, который отличается от общероссийского, существующего, например, на Северном Кавказе или Урало-Поволжье? Думается, что говорить об этом преждевременно. Дело в том, что большинство характерных черт, присущих «арктическому» исламу, присутствует и в других исламских регионах России. В частности, ислам в Арктике характеризуется такими качествами, как растущая многонациональность, борьба различных духовных управлений за власть, государственный контроль над мусульманскими общинами и т. д. [4, с. 5–58].

Тем не менее, тяжелые климатические условия, территориальная отдаленность и промышленный характер полярных городов формируют совершенно особые условия, в которых живут мусульмане региона. Именно эти характеристики определяют увлекательный характер исламского развития в Арктике.

«Полярный» ислам отличается особой спецификой в проведении религиозных обрядов и ритуалов. Вечная мерзлота и холодный климат вносят свои коррективы в строительство мечетей и планировку мусульманской инфраструктуры. Так, для большей устойчивости мечети строятся по «северному» принципу – на сваях, забиваемых в слой вечной мерзлоты. Помещения для омовения (вуду) обустраиваются внутри мечетей, а не во дворе, как это принято в старых мусульманских ареалах. Кроме того, существуют и специфические для Крайнего Севера проблемы, связанные с так называемыми широтно-климатическими проблемами – продолжительностью полярных дней и полярных ночей. Их длительность не совпадает с обычным суточным ритмом (существующим в южных мусульманских странах и регионах), от которого зависит график молитв или моменты соблюдения поста в священный месяц Рамадан. По этой причине вопросы, связанные с соблюдением Рамадана в условиях полярных дней и полярных ночей, решают мусульманские авторитеты и духовные лидеры конкретных регионов. К этому необходимо добавить нехватку халяльных животных для совершения предписанных ритуалов во время мусульманских праздников [5; 10].

Северные мусульмане активно внедряют в повседневный религиозный обиход современные информационные технологии и новейшие средства коммуникации. Whatsapp стал важным инструментом общения и консолидации общин. Создаются собственные оригинальные приложения для мобильных телефонов. Как сообщает А.

Ярлыкапов, в Новом Уренгое молодежные активисты создали мобильное приложение «Намаз в дом» для изучения исламских правил в новых условиях. Совокупность данных обстоятельств способствует формированию нового климатического и социального ландшафта, в котором живут мусульманские общины российской Арктики [14].

Заключение

Появление «полярного» ислама как нового географического и социального феномена отражает несколько важных современных общественно-политических тенденций.

1. Миграционные потоки, направляющиеся в регионы российского Крайнего Севера, со временем значительно трансформируют городскую структуру российской Арктики, формируя более многонациональную и многоконфессиональную среду. Эта среда не только меняет этноконфессиональный состав северных регионов, но и пересоздает структуры персональных, групповых и городских идентичностей. Развитие полярного ислама свидетельствует о том, что мусульмане в России находят способы быть мусульманами в абсолютно немусульманской среде.

2. Развитие полярных мусульманских сообществ свидетельствует о том, что отечественный ислам нельзя более рассматривать как социально-религиозное явление, замкнутое в своих исторических регионах – Северном Кавказе и Поволжье. Он распространился на все крупные города страны, включая регионы Крайнего Севера. Быстро растущие мусульманские общины в таких богатых регионах российской Арктики и Субарктики, как Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, свидетельствует о том, что ислам тесно связан с будущим России. Такая эволюция российского ислама заслуживает отдельного и более подробного анализа. Расцвет мусульманских общин в полярных городах открывает новые представления об исламе как о более современном и широком социальном факторе, который оказывает большое влияние на изменения рынков труда и преобразования городской социальной структуры.

3. В статье ставится еще один важный вопрос: смогут ли лидеры «полярных» мусульман изменять или дополнять символы и смыслы северной идентичности? Если да, то каким способом «новые полярные» мусульмане смогут повлиять на коллективную и индивидуальную идентичность северных регионов?

4. Представленный анализ весьма актуален для выдвижения новой перспективы, которую можно обозначить как «секьюритизация» ислама. Последнюю можно рассматривать как элемент чрезвычайных действий государства в отношении радикальных и общественно опасных мусульманских идентичностей, которые начали проявлять себя в арктических городах России.

Литература

1. Ислам на краю света: история ислама в Западной Сибири: в 3 т. / И.В. Белич, И.Б. Гарифуллин, Г.И. Зиннатуллина и др.; ред. А.П. Ярков. Тюменский государственный университет. – М., 2019. – 366 с.

2. [Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход; сб. статей / под ред. К. Мацузато. – М.: РОССПЭН, 2007. – 266 с.](#)

3. *Ле Торривеллек К.* Состояние и особенности "российского ислама" // Записки аналитического центра "Обсерво". 2013. № 4. – С. 3–24.

4. Магомедов А.К. Появление и институционализация мусульманских сообществ в российских арктических городах: адаптационные практики и становление северной исламской идентичности // Межконфессиональные отношения

в регионах российской Арктики и субарктики: сб. экспертно-аналитических докладов / под ред. М.А. Омарова. – М.: РГГУ, 2019. – С. 5–58.

5. *Магомедов А.К., Омаров М.А.* Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте «новой» этносоциальной мобильности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. – Режим доступа: www.evestnik.ru (Дата обращения 14.01.2021).

6. *Малашенко А.* Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5. – С. 56–65.

7. *Benussi M.* Ethnic Muslims and the “Halal Movement” in Tatarstan // Anthropological Journal of European Cultures. 2018. Vol. 27, no. 1. – Pp. 88–93.

8. *Goncharova N.* Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: zwischen Autonomie und Integration / auf der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa / hg. M. Kaiser. – Bielefeld, 2004. – S. 220–247.

9. *Laruelle M.* Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape / Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges; ed. By Marlene Laruelle and Robert Orttung. – Washington DC: IERES, 2017. – Pp. 463–473.

10. *Laruelle M., Hohmann S.* Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. Problems of Post-Communism. 2019. 22 August. Published online. – URL: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565> (дата обращения 10.07. 2020).

11. *Lazarev E., Biryukova A.* Are Russia's 20 million Muslims seething about Putin bombing Syria? The Washington Post. 2016. 7 March. – URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/03/07/are-russias-20-million-muslims-seething-about-putin-bombing-syria/?utm_term=.91e13c6c09c7) (дата обращения 11.10. 2019).

12. *Matsuzato K., Ibragimov M.-R.* Islam and Local Politics in Countries of South Dagestan under Governor Ramazan Abdulatipov (2013–2017) // Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2019. Vol. 27, no. 3. – Pp. 497–523.

13. Religion and Violence in Russia. Context, Manifestations, and Policy / ed. By Olga Olikier. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. June 2018. – Lanham, Boulder: Rowman&Littlefield. – 267 p.

14. *Yarlykapov A.* Divisions and Unity of the Novy Urengoi Muslim Community. Problems of Post-Communism. 2020. 2 September. Vol. 67, no. 4–5. – Pp. 338–347.

15. *Yemelianova G.* Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27, no. 4. – Pp. 605–629.

16. *Yusupova G.* The Islamic representation of Tatarstan as an answer to the equalization of the Russian regions // Nationalities Papers. 2016. Vol. 44, no. 1. – Pp. 38–54.

References

1. Islam at the End of the World: the History of Islam in Western Siberia: in 3 volumes [Islam at the End of the World: the History of Islam in Western Siberia: in 3 volumes] / I.V. Belich, I.B. Garifullin, G.I. Zinnatullina [et al.]; ed. by A.P. Yarkov. Tyumen State University. – M., 2019. – 366 p. Islam na krayu sveta: istoriya islam v Zapadnoy Sibiri: v. 3 t. / obshch. red. I.V. Belich, I.B. Garifullin, G.I. Zinatullina [i dr.]; red. A.P. Yarkov; Tiimenskii gosudarstvennyi universitet. – M., 2019. – 366 s. (in Russian).

2. Islam from the Caspian to the Urals: a macro-regional approach. Collection of articles [Islam from the Caspian to the Urals: a macro-regional approach] / ed. by K. Matsuzato. – M.: ROSSPEN, 2007. – 266 p. Islam ot Kaspiya do Urala: makroregionalnyi podkhod. Sb. Statei / pod red. K. Matsuzato. – M.: Rosspen, 2007. – 266 s. (in Russian).

3. Le Torrivellec K. The state and features of "Russian Islam". [State and Features of "Russian Islam"]. Notes of the analytical center "Observo". 2013. no. 4. – Pp. 3–24.

4. Magomedov A.K. The emergence and institutionalization of Muslim communities in Russian Arctic cities: adaptation practices and the formation of northern Islamic identity [The emergence and institutionalization of Muslim communities in Russian Arctic cities: adaptation practices and formation of northern Islamic identity] / Interfaith relations in the regions of the Russian Arctic and Subarctic. Collection of expert and analytical reports. Edited by M.A. Omarov. – M.: RSUH, 2019. – Pp. 5–58; Poyavlenie i institutsionalizatsiya musulmanskikh soobshestv v rossiiskikh arkticheskikh gorodakh: adaptatsionnye praktiki i stanovlenie severnoi islamskoi identichnosti // Mezhhkonfessionalnye otnosheniya v regionakh rossiiskoi Arktiki i subarktiki. Sb. ekspertno-analiticheskikh dokladov; pod red. M.A. Omarova. – M.: RGGU, 2019. – Pp. 5–58. (in Russian).

5. Magomedov A.K., Omarov M.A. Polar Islam in post-Soviet Russia: the birth of a phenomenon in the context of "new" ethno-social mobility [Polar Islam in post-Soviet Russia: the birth of phenomenon in the context of the "new" ethno-social mobility]. Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). 2020. no. 4. – URL: www.evestnik.ru (Accessed 14.01.2021). Polyarnyi islam v postsovetsoi Rossii: rozhdenie fenomena v kontekste "novoi" etno-sotsialnoi mobilnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi journal). 2020. no. 4. (in Russian)

6. Malashenko A. Two dissimilar renaissances // Fatherly Notes. 2003. no. 5. – Pp. 56–65; Dva neskhozhikh renessansa // Otechestvennye zapiski. 2003, no. 5. – Pp. 56–65.

7. Benussi M. Ethnic Muslims and the "Halal Movement" in Tatarstan // Anthropological Journal of European Cultures. 2018, vol. 27, no. 1. – Pp. 88–93.

8. Goncharova N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: zwischen Autonomie und Integration / auf der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa / hg. M. Kaiser. – Bielefeld, 2004. – Pp. 220–247.

9. Laruelle M. Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape / Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges. Ed. By Marlene Laruelle and Robert Orttung. – Washington DC: IERES, 2017. – Pp. 463–473.

10. Laruelle M., Hohmann S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. Problems of Post-Communism. 2019. 22 August. Published online. – URL: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565> (дата обращения 10.07. 2020).

11. Lazarev E., Biryukova A. Are Russia's 20 million Muslims seething about Putin bombing Syria? The Washington Post. 2016. 7 March. – URL: http://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/03/07/are-russias-20-million-muslims-seething-about-putin-bombing-syria/?utm_term=.91e13c6c09c7 (дата обращения 11.10. 2019).

12. Matsuzato K., Ibragimov M.-R. Islam and Local Politics in Countries of South Dagestan under Governor Ramazan Abdulatipov (2013–2017). Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2019. Vol. 27, no. 3. – Pp. 497–523.

13. Religion and Violence in Russia. Context, Manifestations, and Policy / ed. By Olga Oliker. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. June 2018. – Lanham, Boulder: Rowman&Littlefield. – 267 p.

14. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoi Muslim Community. Problems of Post-Communism. 2020. 2 September. Vol. 67, no. 4–5. – Pp. 338–347.

15. Yemelianova G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation. Nationalities Papers. 1999, vol. 27, no. 4. – Pp. 605–629.

16. Yusupova, G. The Islamic representation of Tatarstan as an answer to the equalization of the Russian regions. Nationalities Papers, 2016, vol. 44, no. 1. – Pp. 38–54.